

Олег ГУБАРЬ

Дом Прокопеуса, или "Два Карла"

Перекресток Екатерининской, № 23 и Греческой, № 32. Дом Прокопеуса. Фамилия Прокопеус оригинальным маневром закрепила как бы на обочине истории Одессы. Я говорю о патриархальном доме этого семейства, именуемом в народе "Два Карла". Одесситы со стажем прекрасно знают, о чем идет речь: о некогда популярном подвале-распивочной на углу улиц Карла Маркса и Карла Либкнехта — о "двух Карлах", место встречи которых, в самом деле, неизменно. Ныне это поистине легендарное заведение репрезентует весьма изящная одноэтажная "бodega" с неброским уместным дизайном и музейфикацией старинной кладки.

Если чуть серьезнее, у меня скопилось довольно много материалов, каковые, пожалуй, потянули бы на хорошую научную статью, но это не всегда удачный жанр. Потребитель тонет, захлебывается в ворохе начетнической информации, не получая впечатления ни о людях, ни об эпохе. Подобные тексты нередко означают демонстрацию снобистского знания мелочей. Да я и сам, признаюсь, не безгрешен. Но хотя бы пытаюсь отыскать какой-то иной путь.

Что я знаю и могу рассказать о патриархе семейства Прокопеусов, кроме того, что он был отставным поручиком, то есть, как и многие его соотечественники, послужившим единовальной России на поле брани с общим давним врагом? Если говорить о вещах формальных, Иван Николаевич построил не только один из первых домов (старейший из документально датированных сохранившихся), но и один из лучших в ту пору. Двухэтажные здания — частные и казенные — во второй половине 1790-х годов можно было по пальцам перечесть. Прокопеус вышел в отставку и обосновался в Одессе в 1795-м, и 5 сентября инженерная команда задним числом отвела ему под домостроительство пространное и удачно расположенное место на углу будущих улиц Екатерининской и Греческой, хотя реально он приступил к застройке еще 7 июля. В отличие от многих других боевых офицеров, он явно располагал средствами, поскольку застроился уже в 1796-м. К слову, ему передали место, отведенное годом ранее другому поручику-греку, отличившемуся при штурме Измаила, Калимери, тоже представителю военного семейства, который так и не сумел застроиться.

Что касается И.Н. Прокопеуса как личности, создается впечатление, что он был довольно тяжелым, неуживчивым господином. Мне многократно приходилось знакомиться с архивными документами, запечатлевшими взаимные жалобы, пререкания, обвинения, притязания, сутяжничество и т. п., но ни один из интересных мне фигурантов не был замешан в таком катастрофическом количестве скандалов и разбирательств. Младенчество Одессы оглашено буквально вопиющими наименованиями архивных дел: "По прошению словесных судей Дмитрия Горголи, Майорки Эльмановича, ратмана Христофудула Тарабути о причиненной им поручиком Прокопиусом ругательством тяжкой обиды" (1796); "По прошению бургомистра Леондари Бердона о причиненной ему поручиком Прокопеусом обиде" (1798); "По докладу секретаря (магистрата, — О. Г.) Николая Мунтянова на поручика Прокопеуса по данному обвинению сим каких-то его, Мунтянова, взятки" (1798 — 1799); "О действиях по прошению именующегося г. Одессы депутатом отставного поручика Прокопеуса" (1799).

Впрочем, скандальные эскапады отставного поручика, его постоянные нападки на тогдашних муниципальных деятелей могли быть отчасти небезосновательными — порядок тогда и в самом деле оставался желать лучшего, однако анархия царил в основном вовсе не от бездеятельности магистрата. Примечательно, что ругался Прокопеус почти исключительно со своими соотечественниками. Напористость его явно произвела впечатление на окружающих, и на магистратских выборах 1799-го "стая друзей" выбрала его "счетчиком", то есть членом счетной комиссии. В 1800-м он даже состоял городским синдиком, то есть судьей. Преуспев в муниципальной грызне, Иван Николаевич завел склоку с соседкой — вдовой одесского купца Спиридо Марино, Василию Марино, опять-таки греканкою (между прочим, их дочь Феодора вступила в брак с известным Н.С. Палазузовым). Скромный дом Василики занимал короткое срединное место в квартале меж Греческой и Дерибасовской. Прокопеус пробил окна во дворовый двор, да еще стал жаловаться, что хозяйка загордила их стеною (1815).

Эта тяжба в мельчайших подробностях отражена в архивных бумагах. По ходу задокументированной катавасии обнаруживаются интереснейшие подробности, касающиеся строительства и обустройства как дома Прокопеуса, так и соседних. Мы узнаем, напри-

мер, что постройка интересующего нас дома начата 7 июля 1795-го, явно по словесному дозволению начальства, а официально место отведено 5 сентября. Из этого же архивного дела следует, что дом Прокопеуса в 1815 году оценивается более чем в 100000 рублей ассигнациями. Выясняется также, что угловое место в этом квартале со стороны Дерибасовской изначально (но уже через год после того, как Прокопеус частично или полностью застроился) занято было тогдашним полицейстером Кирьяковым, который выстроил на нем несколько маленьких, не по плану возведенных лавчонок. Затем Кирьяков продал их коллежскому ассессору Врето за 800 рублей. А в 1802-м половину этого места, прилегающего к дому Прокопеуса, то есть середину квартала по Екатерининской, заняли грек Спиридо Марино с женою Василикою. С ними и началась баталия по-соседски, причем отставной поручик требовал разломать принадлежавшее семейству Марино "худое строение", а место отдать ему для построения планового дома. Если же сама Василика возьмется за такую постройку, то определить на то срок в один год.

Еще любопытнейший фрагмент прошения Прокопеуса: "Есть много, подобно моему, выстроенных (домов, — О. Г.) в то время, когда еще в округе было пусто, а именно: Кленова, Портнова и прочих, при сем представляя моему дому плану, который хотя и на плане, но, по не окончанию строения, донныне не означены: в земле три погребка, грубы со сводами и тротуар выстроенный". В другом прошении он повествует о том, как в 1811 году на свой кошт через подрядчика Натансона устраивал тротуар во всем квартале. По итогам разбора тяжбы при участии архитектора Фраполли и военного инженера Круга выяснилось, что Врето должен уступить Василике Марино небольшую часть своего места, после чего она должна отодвинуться на такую же дистанцию от Прокопеуса, и в промежутке можно будет устроить сток для воды. При этом сделано следующее небезынтересное замечание: "Известно, что место Врета с давних времен не застроено по плану, а что на нем построено — безобразит улицу: посему давно было намерение Комитета отобрать место у Врета, но сделано ему уважение на некоторое время".

Содержащаяся в цитируемом архивном деле информация дублируется в журналах заседаний Одесского строительного комитета, то есть мы имеем несколько независимых источников. Все это в совокупности дает право говорить о том, что дом Прокопеуса — старейший из сохранившихся в Одессе на сегодняшний день. Примечательно и то, что угловой подвал на протяжении всей истории здания сохраняет функцию винного погреба.

Авторитетный историк градостроительства В.А. Чернецкий считал, что наследовавшие отставному поручику Ивану Прокопеусу офицеры: Ксенофонт, Спиридон и Николай — его братья. Владимир Адамович ошибался: на самом деле — сыновья. Ошибался он и насчет находившегося на противоположном углу квартала, к Дерибасовской, дома Врето, утверждая, что этот "крупный торговец" в 1796 году "построил двухэтажный дом, в котором весь первый этаж был отведен под магазины". Как четко видно из архивных документов, таковой дом не был построен даже 20 лет спустя.

Что до младших Прокопеусов, родились они еще до поселения отца в Одессе, и все эти годы находились в российской военной службе. К сожалению, я пока не много знаю об их воинской карьере. Ксенофонт и Спиридон Ивано-

вичи оба вышли в отставку подполковниками, оба принимали участие в войне 1812 года, в чине подпоручика и капитана соответственно, первый награжден серебряной медалью за эту кампанию (1813) как принимавший участие в боевых действиях. Оба служили в Крымском (старом, сформированном в 1803-м, расформированном в 1834-м) пехотном полку. Известно, что в середине 1810-х Спиридон Иванович служил плац-майором крепости Измаил и состоя в этой должности, 9 мая 1816 года был восприемником при крещении будущего контр-адмирала Н.С. Милоноса в тамошней Свято-Николаевской церкви.

Судя по всему, Ксенофонт Иванович (1789 — 1846) был средним из трех сыновей И.Н. Прокопеуса. Вместе со старшим, Спиридоном, они сперва наезжали в Одессу, а затем и обосновались в городе. Их мать София ушла из жизни 15 мая 1824-го, в возрасте 70 лет, кончина Ивана Николаевича в сохранившихся метрических книгах Греческой церкви не фиксируется. У этой четы был еще поздний ребенок, сын Дмитрий, но прожил он недолго (1801 — 1803). Родительский дом в 1824-м числился за Спиридоном, а позднее за брать-

нового дома развернулось лишь ближе к концу 1820-х. И только 22 марта 1830 года Ксенофонт подал в Одесский строительный комитет следующее прошение: "На месте, мне принадлежащем (...) бывшую старую и совершенно ветхую постройку я совершенно разломал до основания. А на месте оной выстроил дом в два этажа по плану, Комитетом утвержденному. А посему покорнейше прошу на спокойное оным владение выдать открытый лист на имя мое, жены и детей моих". Детей к тому времени было как минимум трое: Иван (1818), Елисавета (1821) и Елена (1828). Постройку освидетельствовал Боффо и дал положительное заключение. Сказанный дом в общих чертах сохранился по сегодняшнему дню по адресу: улица Екатерининская, № 20. Просто какой-то позитивный прецедент: оба старинных дома Прокопеусов, да еще в таком лакомом для нынешних беспощадных застройщиков (санитаров историко-архитектурной среды!) месте, жив. Чудо, да и только.

Но вернемся к более интересным объектам — домам братьев Прокопеусов на перекрестке Греческой и Екатерининской улиц. Дом, построенный Ксенофонтом в конце 1820-х, оценивался выше патриархального. В том и другом в разное время размещались самые разнообразные заведения и офисы, прежде всего — алкогольной направленности. Так, на протяжении десятилетий здесь квартировал один из "главных винных погребов" — Кулена, затем Левиди, Похиопуло, где реализовывались французские, греческие, итальянские, испанские "дары лоз", позднее "донское шипучее", "аккерманские вина". Ранее, в пушкинское время, в обоих домах, по архивным данным, находились ренсковые погреба: одесского 3-й гильдии купца Якова Оберта, 1-й гильдии — Христофора Велары, турецкого подданного Харламби — возможно, известного впоследствии благотворителя В.М. Харламова, а также кофейня одесского мещанина Юрия Синадино, представителя другой известной впоследствии фамилии.

В лавке откупщика городских мер и весов купеческого сына Федора Волохова при доме Ксенофонта Прокопеуса отдавались в пользование эталонные меры для измерения жидкостей. Это была специальная тара из красной меди, сделанная на заказ специально ангажированными мастерами-медниками и клейменная в городской управе, размерностью в ведро, четверть, штоф, полуштоф и т. д., находившаяся в ведении уманского мещанина Беньямина Ходаркова. Позднее, в середине 1850-х, сюда перебралась с Нового базара торговля винами выдающегося швейцарского винодела Шарля Тардана, после смерти которого (1856) бизнес взяла в свои руки его супруга. В разные годы в этих зданиях помещались аптеки Дурацко, Волохова, Цорна, салон белошейки Саламбье, литография Францова, ресторация "Америка" и др.

Дом Ксенофонта унаследовал его сын Иван, служивший в канцелярии одесского военного губернатора. 16 февраля 1840 года он сочетался браком с почти ровесницей, представительницей другого семейства греческих старожил, 20-летней Пагоной Илиевной Манес, дочерью купца 2-й гильдии, домовладельца Греческого базара, причем одним из свидетелей на церемонии записан известный архитектор Иван Савельевич Козлов.

Время размыло не только капиталы трех подполковников Прокопеусов и их наследников, но даже саму память об этом семействе. Уже в первой половине 1870-х за ними не осталось ни одного из упоминавшихся домов. Скажем, дом Ивана Ксенофонтовича перешел к греческому семейству Халпакчи (или Калпакчи; это семейство перебралось в Одессу из Мариуполя относительно поздно), а он скончался на даче своего друга Михаила Иосифовича Балюхова (Балихова) за мысом Большой Фонтан: как я говорил, всю жизнь были близки и их отцы. Впрочем, экзотическая, непривычная на слух нынешним одесситам фамилия непредсказуемым образом опосредованно зацепилась за народный омоним "Два Карла".

И еще одна мелочь. Лет 15 назад мы с моим большим другом Михаилом Пойзнером в очередной раз внимательно осматривали дом отставного поручика Ивана Прокопеуса, бродили по двору, фотографировали. Наш интерес заметил некий немолодой человек и предложил зайти к нему. Вход в квартиру находился со стороны Екатерининской. В коридоре хозяин продемонстрировал нам укрепленный на стене знак 1-го российского страхового общества, учрежденного в 1827 году. То есть Спиридон Иванович Прокопеус надежно застраховал свое имущество. Но настолько ли надежно, чтобы сохранить его от произвола сегодняшних застройщиков?

Как принято говорить, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Устройство

Снимок Александра Перминова, середина 1980-х.